

Сильная армия-оплот государственной мощи

Мечты и работа

До крайности важны мечты наших социалистов, что совмещая экономический строй, по существу, вельню, но нашему хотению, может в ближайшее время превратиться в другой, когда еще не выданный, идеальный строй, в котором исключена эксплуатация человека человеком и в котором все отношения основаны на чистом братстве. Будем надеяться, что когда и будь это будет, во для современной жизни будет поближе к землям, не омыл возносясь на облака, упав в колодезь. — неизбежно в дребезги разобьется.

Полковник Мордэ справедливо говорил, что не совсем разумно думать о том, как устроить жизнь через 500 или 1000 лет. Тогда будут жить другие люди, более сведущие и умные чем мы, и они лучше нас обучат свои деды. Нам же больше следует думать о своей жизни, а не о жизни дальнейших поколений.

Мечты о жизни капиталистического строя социалистическим, — это не реальная работа для улучшения текущей жизни народных масс, а попытка извлечь поточеству наше несовершенное предвидение. Из такой политики ничего позитивного выйти не может, так как жизнь нас постоянно и иногда очень жестоко учит, что предвидим мы крайне плохо и не только за 1000 лет вперед, а даже за самое короткое время.

Германский народ, народ ученых, философов и техников, начиная свою мировую войну, был уверен в своем торжестве и утверждении своего господства над миром, а через несколько лет был потерян поражение и величайшее национальное унижение. — Русский народ, в лице доброй половины своей интеллигенции, начиная свою революцию думать, что несет миру новый величайший образец социального творчества и утверждать неуважение Великой французской революции братства народов, а не думать — выливать жалкую картину государственного разложения, невнятную по размаху гражданскую войну, уничтожение культурных ценностей, вымирание народа от голода и непрерывное одичание.

Казалось бы этих двух разительных примеров, всего за последние пять лет мировой истории, совершенно достаточно, чтобы предостеречь народных массы от безумия смельчаков приключив в неоправданность.

«Безумству храбрых поем, мы слы-

шу» — говорили мы еще недавно. Но ведь ли так запоем теперь когда безумство привело нас к гибели. Храбрость не безумство, а достоинство человека и его долг перед родиной и близкими. И храбрости поем мы славу, но храбрости не слепой, а сознательной.

Современный капиталистический строй несовершенен и даже очень несовершенен, как и совершенно всякое произведение рук человеческих, но капиталистический строй — естественный продукт борьбы человеческих масс за свое существование и эта форма широчайшего хозяйства все еще продолжает развиваться, увеличивая производительность человеческого труда и создавая все более и большее количество продуктов, чем какое оно имело в прежние времена. При разном капиталистическом строе остро ставится вопрос о распределении и работа несовершенная, демократия в настоящее время сводится не к уничтожению капиталистического строя, так как заменить его нечем, а к усилению волею тех классовых интересов. С этой целью ведется борьба за политическое равенство в предположении, что оно приведет к государственной власти в руки народных масс, которая через своих выборщиков, найдут формы более справедливого распределения продуктов. Путь в этом направлении в значительной мере выработан. Реформирование налогового аппарата с целью уменьшить тяжесть обложения с малоимущих на состоятельные классы, сокращение торговли, поощрение кооперации и организации профессиональных союзов, вводится охрана труда во всех его видах. Но все эти огромные и плодотворные работы производятся в пределах капиталистического строя, а в ряде его и безконечных числах сознательных усилий, а не по существу реально и не исторически вытекающих.

Когда какой-нибудь класс, достигнув власти, ради сохранения ее за собой, пользуется ею так, что задерживает политическое и экономическое развитие народа, то неизбежно происходит революция. Так было с нами здесь, в нашей политике дворянства, сдерживавшего развитие зашатавшихся классовых интересов. Но двоябодно, что другой класс, класс фабрично-заводских рабочих, подхватывая вышедшую из рук дворянства власть, захотеть в лице своих представителей установить новое самодержавие. Это называлось углублением революции, так как за-

ставляло остальные слои народа вести с-сва борьбу против нового захватчика.

Перед государством, таким образом, выносы два класса. Одно — дворянство — потому, что иллиция долга задержалась на исторической стороне — класс фабрично-заводских рабочих — потому, что дать вступить себя в заблуждение обманными обещаниями. Там, где обмен развлек, класс фабрично-заводских рабочих является лучшим борцом за свободу и величие Родины.

Русь

Святую Русь Господь хранит!
Могучий дух под ней ширит!
Славянский дух ее отцов,
Земля родной бымаж творцов.
И гордо мы свой шаг несем,
Къ великой жизни мы идем.
Наш путь Господь благословит —
И вичный миръ намъ подарит.
Но если враг коварный, злой, —
Перешагнет предъ твою родню.
Отинуку — мать одну любя,
Мы въ бой пойдемъ, штыки склоня.
Н. Хан — и.

Казенное добро

Вадет солдатъ на телегъ и везетъ возды, У телеги непорядокъ, подтяжеть, дайдется или три несправно натяжеть. «Эй, солдаты! подтяжеть потеревли! Лошадь плечи вывернеть!» — «Горю оно, лошади!» отвѣчаетъ спокойно с-сва пилеми: «Вдъ это Казенное».

Идетъ фодатъ, Остановился! Бѣжитъ, мещанинъ около вагоновъ и заливаясь въ коровки колесъ мазь, Уветь и не сморитъ. Коровка молда и мазь лететь на землю: «Казенное!» Мазь ее не жалеть. Ташитъ пассажиръ въ вагонъ мѣшокъ, из мѣшка и прятать подъ лавку, да и сумъ зарывать прохлать безъ билета. Попробуйте ему сказать, вѣдь это обыкновенно для дороги для кизны. Огъ удивителен и скажетъ: «а что се жалеть, казненое!»

Классъ матушка все ширитъ! Вотъ къ чему мы приваки, вотъ чѣмъ мы живемъ. Не сохранить, не сберечь казенное. А себя ухватить изъ казенного. А почему это такъ?

А потому, что мы не постигаем еще, что значить это «казенное».

Мы знаем, что вотъ эту лошадь мы съ рожденной поны, кормим. Эту тележку владелим, почили. Эту рубль заработали своимъ горбомъ. Мы знаем, что это наше, нами заработано, освящено нашимъ потомъ и трудомъ.

И для насъ неприятно платитъ подати и налоги. Какъ трудно было добыть деньги и уплатить за трудъ подати? По тупицею чувствуемъ обиду, что казна все беретъ. А что она даетъ?

Мы много обращали внимания, что у насъ есть полиция, которая вора и злодея поймать, судитъ, который его осудитъ, тюрьма, въ которую его посадитъ, тюрьма въ которой лежитъ больше; школы въ которой учатся молодая поволения.

Нашъ герой деревни мы не видели, какъ это нашъ податный рубль, превратится въ школу, въ мостъ черезъ рѣчку, въ большую лошадь или пилеми солдата. Если казилось, что казна богата откуда то со стороны, и наши податные рубли идутъ куда-ли не въ карманъ чиновниковъ.

Теперь крестьяне сами владеливать земское хозяйство. Огъ черезъ своихъ избирателей рѣшаютъ, гдъ жужимъ больше; гдъ нужно построить мостъ; какое животное называть врагу, агроному и т. д. И теперь они знаютъ, сколько нужно собрать рублей на эти нужды и черъ кого они пойдутъ. Чѣмъ больше с-сва земская, гдѣ больше придется платить.

Когда миръ собирается и поражаетъ расаря или паштуха, огъ знаетъ, сколько придется платить каждому и потому борется. Миръ журитъ сторожа школы за дерево, такъ какъ с-сва дова въ школу возитъ.

А вотъ, когда отворается человекъ отъ мира и пойдетъ въ службу, въ казарму, то огъ забываетъ объ этомъ: вли боль не дрогъ въ почку, казенное.

А откуда это казенное? Не думаетъ.

И помню, какъ мы въ школу стекло обидели, пришелъ учитель. Кто разбилъ? Ну гдѣ же мы сидели! Думается: отъ той иб и изъ той! Злой народъ ребятишки шлуны. Учитель насъ не сталъ бичевать. Огъ собралъ весь классъ и сказалъ: «Вдъ теперь нужно» стюмо отступать. За это возьмуть 60 копеекъ. Отступать же деньги взять? «Казенное добро» — изъ казны, с-сваемъ мы. Да изъ казны, отвѣщаетъ воншеи мисли учитель. А откуда откуда возьмуть? «Ну, думаемъ, платить, что ширивать; тамъ много денегъ, отдавать ихъ». Тутъ с-сва намъ и посылаетъ: деньги въ казену идутъ съ народа, по копѣечкамъ и податями и акрда.

Изъ деревенскаго дневника

Окоянчане.

Затрясся я опять весь. Отозвалъ старуху въ другую половину, поминаться это на образе... Ну, гороноу, прощай, старуха, теперь какъ не знаю, живей хорошеу ли. Одѣла это я въ шубинку, отдала крутомъ избу. Похвляю. Бду на телегѣ, а сама глаза е спускаю со своей избы; може, мале, последний разъ своей жизни вижу родной то уголокъ.

Тутъ Кузьма Петровичъ, разстроганный своимъ воспоминаньемъ, вынулъ во своей пиджакъ темно-краснаго цвета, съ бѣлымъ горночкомъ и отеръ вытупившица на глазахъ слезы:

«Начинаю это къ комиссару, спрашиваю, зачѣмъ, молъ, требовали моей старухи. А огъ говоритъ строго: «Сказали, старина, гдѣ спрятаны у тебя деньги, а не то сейчасъ же поймаж съ тоза ризамаж, выковыря и веза ихъ мнѣ!»

«Ишь деньги», — говорю, — что были у меня, вѣдь болъ кѣтъ. Хонь гдѣ хотите шитьте?»

Ирешъ, старый чертъ, знаежъ мы вилды брать, буржуевъ проклятыхъ! Луны и врезанъ не веди, и нисъ во грѣхъ не вводи, а скажи прямо, гдѣ лежатъ деньги? Бѣжъ ходите товарищи, — говорю, — вонше не ширите, а деньги у меня ишь болъ.

«Ваню», — говоритъ, — пойдемъ съ идя и такъ увидимъ, что ты запоешь», — говоритъ комиссаръ.

Ишь похвлялъ съ ями и очутился въ Поднякъ — тѣлоку тутъ слыаю у негъ какъ произносится, — и все явственно помню, и все, — словно бы вотъ во сѣ было. Приехали къ лѣску. Комиссаръ овель меня зажать такъ на десятковъ на лошади, нестгнала му старой сосны де и гелоритъ своимъ-то, чтобы ружья, значить, приготовить. Ишь, какъ сейчасъ дѣлать лажку, свѣтлая, свѣтлая, — думалъ гдѣ и прядеть... Наведи на меня чѣмъ-то ружья. Стою это я и весь одеревсавъ, не жаль мне тѣлоку... Ничего мнѣ не жаль сталою с-сва, даже въ самой тѣленици. Стою и только съ минуты на минуту иду коимъ-то себѣ. Подходить ко мнѣ комиссаръ и говорить: «Послѣдний разъ спрашиваежъ тебя, старикъ, гдѣ деньги, не то разстрѣлаежъ, какъ со скажу!»

«Товарищи», — говорю, — не жалею мнѣ значить, деньги дорожже жизни! Да если бы былъ гдѣ спрятаны, такъ и даво бы сказалъ вамъ. Ишь у меня болъ денегъ, ширивать, какъ передъ Богомъ говорю вамъ!»

Стрѣлять! — командовалажъ комиссаръ. Услышавъ это сразу изъ четырехъ ружьяхъ. Стою я, чѣмъ думаю: ну, слава Богу, прикончили. Только вотъ ишь въ какой боли не слышу, — ая бы кровь гдѣ сочилась и того не вилать. Подойдя ко мнѣ комиссаръ да и говоритъ: «Убитъ ты, старикъ, падать, что еще слышишь?»

А с-сва захохоталъ, этакъ — зычно. Я только было понунолюсь; повалился эзъмъ, лежу.

«Встай!» — кричатъ на меня комиссары.

сари: мы еще завтра спросимъ тебя хоршенько, куда скрыты деньги, а не скажешь, прикончимъ ужъ себѣмъ».

Питались это я вѣсть съ земли то — не могу: ни руки, ни ноги не работають. Денюгу меня двое красноармейцевъ за руки валивали мнѣ ты чюмъ да пинкали, ну какъ взорвался на телегу то... Только дорогой стажъ полемому въ чудство приходится догадывать гуть, что случилось въ меня изъ холостыхъ ружьяхъ — такъ, для с-сва то-стѣмъ. Похвляю и втосю. Последила меня въ арестанскую. Остаежъ это и однежъ улетѣ въ колѣ, сталь молиться. Сколько прошло такъ время, — не могу сказать, только слышу инклавну это съ двери кто то синькажъ. Я всталъ, стою такъ у стѣнки, иду, что будетъ. Солнышко ужъ поднаежъ високо. Вдурга значить всходить ко мнѣ арестанъ, дасть кусокъ хлѣба, съ зеленымъ элажъ, булеть, и кружку воды.

«Вотъ вѣбъ», — крик! До завтра больше денегъ не податишь. А завтра мы тебя прикончимъ старого черта».

С-сва и на полъ, закрывъ руками и дуаяю: огнѣ жалеть огнѣ, томысь до завтра. А тѣло вѣзетъ, словно бы вѣдъ послѣ ноной болѣзнь, чѣмъ предстуду. Вдоложить я тутъ вою избу, старуху, допадутько, значить. Всплывалъ изъ хлѣбъ съ водой, что принесъ мнѣ, и опять прилежался: на завтра овѣла то, обиданъ похвляежъ меня совсемъ, — ту мнѣ это слышъ съ собой... До хлѣба иль члѣмъ палемяемъ, не дотронулся. Ну вотъ, справедливо это вышеть потому какъ втоту сухежъ какая то все была.

А на другой день опять, значить, воза

ли въ тотъ же лѣсокъ и опять, принужденъ выжидать, гдѣ деньги. Ну, старуха, тоже изъ лусгима, ружьями. Да, пятый три дня меня элажъ то катала, чѣмъ, вою жонемъ и явля с-сва сталь протѣ, чтобы прикончили со мной. Хри, стою Богомъ умоляежъ, да колѣнкая шарлатанъ, чтобы то-стѣмъ, пошину меня похоронитъ, потому кимъ де могу я больше; и то ты живой человекъ, не то покойникъ, — и с-сва не знаежъ».

Ну да благодарю Богу, — бѣлѣжъ ко, отъ комиссаръ Господь принесъ, такъ, великий болѣзнь и не улетѣи меня похвляежъ. При бѣлѣжъ то сталь это я по маленку да потихоньку оказываежъ, да въ себя приходилъ: какъ стѣна — вѣдъ болъ, только слышу, что живой чюмъ жѣжъ».

Не только долго, значить, страшеми силами по новымъ грезамъ. И християны наши словно бы ласковые, ко мнѣ стали, потому какъ, все доподлинно знали, какижъ митарства я втерѣлъ въ му. Ужъ с-сва мужикъ и есть; сдѣлать не ладно — скрѣсно-того, а советъ да закою стю возмужу. Кон тѣрпѣжъ помнѣвалъ моимъ хлѣбомъ, при болѣе вилать то, — с-сва рѣшило ходитъ ко мнѣ да пробивать палемяемъ, потому какъ чувствую, что не по Богу, значить, дѣлать. Чужое то добро не вилать, чѣмъ, мнѣ ты, въ прокъ-отъ, не вилать. Ишь старина шашъ такъ то говаривалъ. Ишь отъ моего то добра не разбогъ члѣжъ».

В. Исеевъ (Горный).

